

Наталья Гаврилова

МОЙ ПАПА

САХАМ

16+

Наталья Гаврилова

Мой папа – саам

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гаврилова Н.

Мой папа – саам / Н. Гаврилова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Мы все не идеальны. Неидеальные дети. Неидеальные родители. Но любовь и желание понять близкого может многое изменить в жизни каждого. Эта книга о моём отце. Он имел свои слабости и боли, но умел любить, радоваться и делиться этим с окружающим.

Содержание

Гелий – солнечный	6
Арсъёгк – Варзино – Дроздовка	9
Жизнь на заставе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саамы – коренной малочисленный народ Северной Европы.
Скандинавы называли их *lapper*, русские лопарями.
Отсюда происходит название Лапландия.

Гелий – солнечный

Не проходит дня чтоб я не произнесла: «Как говорил мой папа, как сказал мой папа»... Рассказывая истории своей жизни или жизнью тех, кто был с ним рядом он незаметно знакомил меня с окружающий миром и учил с ним контактировать.

Меня много чего удивляло. Мальчика в военное время, в тундре называли Гелием. Где ж саамские бабушки нашли это имя?! Но как оно ему подходило! Солнце. Он таким и был – солнечным! Веселым, ярким на эмоции. Эмоции всех цветов.

Еще он был в Артеке.

«В Артеке»?!! – переспросила я, ведь для советских детей Артек было местом для лучших из лучших.

«Дааа, я гербарий собрал, который конкурс в области выиграл и меня отправили», – слишком скромно, небрежно, как будто это вовсе не заслуга, сказал папа.

Маленький Гелька. Нижний ряд, крайний справа.

А ему было тогда лет 9. Гербарий он и меня учил собирать. С любовью к каждому листочку и цветочку. Лет до 18 во всех книжках у меня находились сухие цветы и листики. А еще папа смеялся.

«После Артека я решил что хватит учиться и больше не учился».

«Как так»? – недоумевала я – «Ведь все должны, где ты был»?

«Ааа, два года коридорного образования», – смеялся он.

Уже ближе к 40 он закончил вечернюю школу, потребовали на работе. Но я всегда удивлялась и не перестаю до сих пор удивляться его мышлению. Как он всё излагал, красиво умел говорить, четко анализировать, доносить мысль. Откуда это всё? Мне кажется мудрость людей

природы высока и без ВУЗов. А ещё, вспоминая его, все начинают улыбаться. Мне кажется, это было его главной жизненной задачей – несмотря на множество внутренних переживаний, радоваться этому миру и радовать окружающих. Что ж, он с этой задачей справился.

Арсьёгк – Варзино – Дроздовка

С маленькой помню, папа всегда летом на две-три недели ездил в место под названием Дроздовка. Еще иногда звучало – Варзино. Реже Арсьёг.

Оттуда он всегда привозил много вкусной рыбы и мясо. А для меня всегда привозил сувенирчики. То это были засушенные морские звёзды, то прямо мумифицированная маленькая лягушка, высохшая так, что сохранился каждый ноготок на лапке. Раковины, камешки, веточки. Он сам очень любил каждый кусочек своей земли и научил этому меня.

Варзино. Сейчас во мне это слово отзывается совсем по другому. В нём звучит грусть, радость, свобода, страх и сила. С ним я познакомилась в 12 лет. Однажды папа сказал маме:

«А, давай я Натку с собой возьму!» И мы поехали в то неизвестное мне место, откуда папа привозил вкусную рыбу и сувениры.

Ехали на теплоходе. Это было моё первое путешествие на корабле. До этого я только пару раз ездила на трамвайчиках по Волге. И, вдруг, такой большой теплоход! На корабле был ресторан, бар, большая палуба и уютные кабины. Папа отвел меня в капитанскую рубку! И в каюту капитана! Они были старые знакомые. Капитан был старше. Папа сказал, что это отличный капитан. Только он мог вести корабль по какому-то сложному пути, когда другие предпочитали идти в обход. Еще капитан помнил бабушку. Вспоминая её он сказал:

«Ах, какая была Шура»!

Потом, когда я стала постарше я узнала, что бабушка обладала каким-то невидимым обаянием, которое восхищало мужчин.

На стоянке с красивым названием Дальние Зеленцы вода была прозрачная-прозрачная! Из иллюминатора я увидела множество очень разных, красивых морских звёзд! У некоторых из них было очень много лапок-лучиков. Кстати, у одной из которых привёз мне папа из прошлых поездок было аж 11 лучиков, но как я не прятала засушенную красавицу, однажды кошка отгрызла несколько лапок. Ведь лёгкий запах сушеной рыбы манил хищницу.

Помню как теплоход остановился в заливе и к нему подъехала моторная лодка. Сначала люди из неё поднялись на корабль. Папа весело здоровался с незнакомыми мне людьми, спрашивал как дела. Быстро на ходу – ведь теплоход ждать не будет. Потом мы спускались по трапу в лодку, чтоб выйти на берег. Теплоход в этом месте заходил в залив не всегда. Только по необходимости. Спуск был очень опасный, ведь внизу была очень холодная вода и было очень глубоко. Папа рассказал мне страшную историю, как однажды беременную женщину везли в больницу рожать, она потеряла равновесие и упала. Пошла сразу ко дну и больше ее не видели. Думаю понятно, как я крепко держалась за перила. Он всегда рассказывал мне разные истории. Много, всегда к месту и ко времени.

Дроздовка.

Дроздовка – это пограничная застава, хотя, до границы очень далеко, но вот для чего-то её здесь сделали. Кроме погранцов (так их принято было здесь называть) была еще метеостанция. Стояли два домика маячников, в одном из которых жил младший папин брат с семьёй и дом моей бабушки, которой к тому времени уже не было.

Мы жили в домике деда Миши. Там всё было более чем скромно, просто то, что нужно для жизни. Печурка, стол, кровати. Дом был старый и использовались только две комнаты, остальные были полуразрушены. Папа сказал лучше туда не ходить. Метрах в 100 тёк маленький-маленький ручеёк. Из него набирали воду. Помню я решила помыть посуду. По городскому лила воду, чтоб всё вымыть до чистоты. Дед кряхтел, смеялся, бегал мне за водой несколько раз и сказал, что лучше б сам помыл. Делать мне было там нечего. Никого не было. Гостил у кого-то так же маленький мальчик, но играть с ним было сложно. Не помню почему, но не смотря на то, что было нечем заняться, я не играла с ним. Я просто гуляла. С погодой повезло. Было тепло. Очень много комаров. Во время отлива я ходила по камням. Там было много водорослей поэтому было скользко и папа предупредил меня:

«Ходи осторожно. И смотри за водой, прибывает очень быстро».

Позже, туда стали приезжать сезонные бригады работяг, чтоб собирать морскую капусту, которой в тех местах множество.

В то лето было два главных события, сыгравших огромную роль в моей жизни.

В один из дней папа сказал мне: «Пойдём покажу где я родился и рос. Мы долго шли по тундре. По пути попадались военные учебные полигоны. Подземные ходы, по которым во время учений бегали солдаты. Я не полезла, хоть там был и не длинный путь. Валялись гильзы. По пути папа рассказывал истории.

Например он говорил:

«Никогда не оглядывайся, когда идёшь по страшному месту». Смотри вперёд». «Почему»? – удивлённо спрашивала я. Ведь это правильно проверить что там сзади. «Ты можешь что-нибудь увидеть и ещё больше испугаться». – сказал он.

Сейчас я думаю, что этот совет для тундры, когда ты идёшь один и нужно не подпускать страх. В обычной жизни я предпочту убедиться в безопасности.

Еще он рассказывал про северное сияние. Нас выросших в Заполярье, на Крайнем севере северным сиянием не удивишь. Но папа сказал, что настоящее оно в тундре. Что свет городских огней не позволяет увидеть всю его красоту. В тундре оно низко-низко, что кажется, что оно тебя сейчас накроет и придавит. Ещё оно многократно ярче и всполохи так и бегают. И нельзя свистеть когда северное сияние. Если ты будешь свистеть оно тебя высосет. Один мужчина ехал на керёже на оленях, свистел и до дома доехала одна одежда. Хотя мы были одни в тундре, я не помню чтоб я боялась, ведь рядом был папа! Я слушала его с огромным интересом. Он умел рассказывать! Все истории были важны в моей жизни.

Плохо помню дорогу. Только тундру, холмы. Грибов ещё не было, но он сказал, что их здесь множество. В прямом смысле на каждом шагу. И грибы большущие. Шляпки по 20 см в диаметре. Я удивилась, но потом и другие рассказывали, что грибы в тундре огромные и их много. Их никто не собирает. Некому.

«А раньше? Ели грибы?»

«Не помню, чтоб ели. Никто не собирал».

Потом значительно позже мне кто-то из саамов сказал про грибы пренебрежительно: «Ааа, пустая, оленья еда». И как-то читая о составе грибов, о том, что они не усваиваются и практически бесполезны для человеческого организма, я подумала, может, раньше понимали это и поэтому не ели. Конечно, сейчас все саамы любят и радуются жареной картошечке с грибами. И маринованным и супчику с грибами. Но тогда и хранить негде было. Даже если сушить, то, думаю, всё бы сгнило долгой зимой.

Еще он рассказывал, что каждому при рождении поют его собственную песню. Он мне напевал свою. Совсем маленький кусочек помню. А еще дарят оленя.

«А где твой олень», – спросила я.

«Не знаю. Был в стаде. Потом куда-то делся».

А детям в китке (люльке) давали в руки нож. Поиграться.

«Папа! Ведь ребёнок может порезаться»!

«Может. И будет знать, что нож это опасно».

Это потом повлияло на моё отношение с детьми. Не обязательно со своими. Если какой-то малыш резался, обжигался, я говорила: «Ай, горячо! Или опасно (айяйка, боболька)»! Это не значит, что не жаль ребёнка. Это защита его на будущие похожие ситуации, быстрому предупреждению.

Потом мы дошли до Варзино.

Варзино! Сколько потом в жизни я слышала это название, произносимое с любовью и болью! Мы прошли мимо кладбища. Узнать его было сложно. Папа сказал, что его перерывали археологи и что никто особо не задумывался куда и в какую могилу потом складывать кости и чьи они. Я спросила:

«Как это!? Почему так?»

Но он сказал:

«А кому жаловаться будешь?»

Памятный знак, загадочно погибшей в 1554 году в Варзинском заливе экспедиции.

Похожая ситуация была и у экостровских саамов с островом Могильным на озере Имандра. Папа варзинский с побережья Баренцева моря, а на Имандре жили экостровские саамы. Интересно, что, хотя, я родилась в районе экостровских саамов, я еще считаюсь варзинской. А следующее поколение уже экостровские. Такое соотношение местности и людей я встречала и у других народов.

Страх перед умершими существовал всегда. Считалось, что через воду беспокойные души пройти не могут. Поэтому так же и у других народов часто делали кладбище на островах. На острове Могильном на Имандре саамы расположили кладбище. Но он приглянулся для строительства дороги. С одной стороны к острову сделали насыпь, а с другой построили мост. Так прямо по кладбищу прошла дорога. Считается и утверждали, что делали перезахоронение. Но никто не знает куда, а жители города по соседству говорили, что в озере плавали гробы. Их просто скидывали в воду.

Такое пренебрежительное отношение было не только к мёртвым саамам. Помню папа рассказывал как люди просто уходили в тундру и не возвращались.

«Как это? – спрашивала я папу. – И никто не находил?»

«А кто будет искать? Кому пойдёшь жаловаться? Несколько офицеров сказали лопарю давай лодку и поехали! И куда он денется? А вернуться без него и скажут мол не знаем, ушёл он от нас».

Мне казалось тогда это странным, но я просто принимала это как ситуацию, которая была. Так было далеко не единожды и все считали нормой. У меня был случай. Подходит ко мне знакомый пацанёнок с интерната. Я тогда училась в университете и летом работала на рынке, в палатке. Он говорит мне, что там мужик к нему пристаёт. Я говорю, что вон милиционер, иди скажи ему об этом. На что он мне говорит:

«Кому мы нужны? Кто за нас защитит? Все знают что за нас некому заступаться». Очень похожая ситуация. Незащищённость! Мы все под Богом ходим, но здесь ты в любой момент ждёшь чего-то плохого. Постоянно напряжен, в стрессе. Я спрашивала, и ко мне обращались сородичи с таким же вопросом – мучает ли это необъяснимое чувство тревоги? Оно не с того ни с сего подкатывается. Сейчас я знаю что папа жил с этим напряжением всегда. Но несмотря на это, продолжал радоваться жизни.

Потом мы дошли до залива. Там были остатки от домов. Видны пороги от входов и контур из брёвен. Всё заросшее травой. Даже тогда я заметила, что домик был маленький – 2 на 3. Сказала это папе. На что он мне ответил, что здесь могло жить еще и две семьи. Но в основном, семья вот так вот и ела и спала в одной комнатке малюсенькой. Он рассказал что немного помнит своего деда, хотя был совсем маленький. Проснулся однажды, а дед умер.

«А я, – говорит папа, – не понимаю, ползаю по нему»...

Про заросшие травой основания домов в Варзино мне ещё рассказывали бывшие жители этого села. Те, которые в детстве были вынуждены покинуть свои дома. Они каждый год, в течение многих лет и даже десятилетий приезжают на этот суровый кусочек земли. Здесь ничего нет, кроме уже не видимых могил и оснований домов, заросших травой. Они берут с собой палатки и провизию на две-три недели, удочки и радуются тому, что снова на своей земле, на любимой земле. Раньше теплоход заходил сюда раза три за лето. Сейчас наша уважаемая старейшина из Варзино Нина Елисеевна договаривается на уровне вышестоящего начальства, чтоб теплоход заходил хотя бы дважды – привёз и увёз людей. Спасибо, что нам идут на встречу. Приезжающим варзинцам от 60 и за 80. С ними дети и внуки. Иногда, они

сидят на эти оставшиеся от домов порошки и плачут. Ведь здесь было хорошо! Хотя, природа суровая. Даже летом опасно и холодно. Могут и медведи появиться, а бежать некуда. Но это любимое место, родина, место силы. Они ходят на могилы предков, ставят цветы, поминают всех-всех. И за тех, кто уже не может помянуть тоже поминают. Я была там всего один раз. Мечтаю побывать снова. Это место как будто зовёт.

Лагерь, который каждое лето разбивают жители села Варзино на том месте, где оно когда-то находилось. С погодой повезло.

Когда-то это было богатое село. Молоко, овцы, рыба, мясо. Пограничники приходили меняться продуктами. Приносили свои сухпайки и меняли на мясо и рыбу. Село 100 человек и даже священник был.

Там видны скалы и залив. Саамские дети лазили по этим скалам и собирали гагачьи яйца. Страшно. Они могли сорваться и погибнуть. Хотя, так везде было. Например в России. Дети ходили в лес за ягодами, за грибами. А там и змеи, и кабаны, и медведи. Но еда это вопрос выживания. Дети лазают по скалам легче. Сорвётся взрослый кормилец и всей семье будет хуже. Опять же взрослые на взрослой работе. Жизнь в тундре сурова. Пища стоит на одном из главных мест. Может поэтому я так люблю еду! И папа очень любил. И сёстры и племянницы. Мы просто фанаты еды.

Варзино.

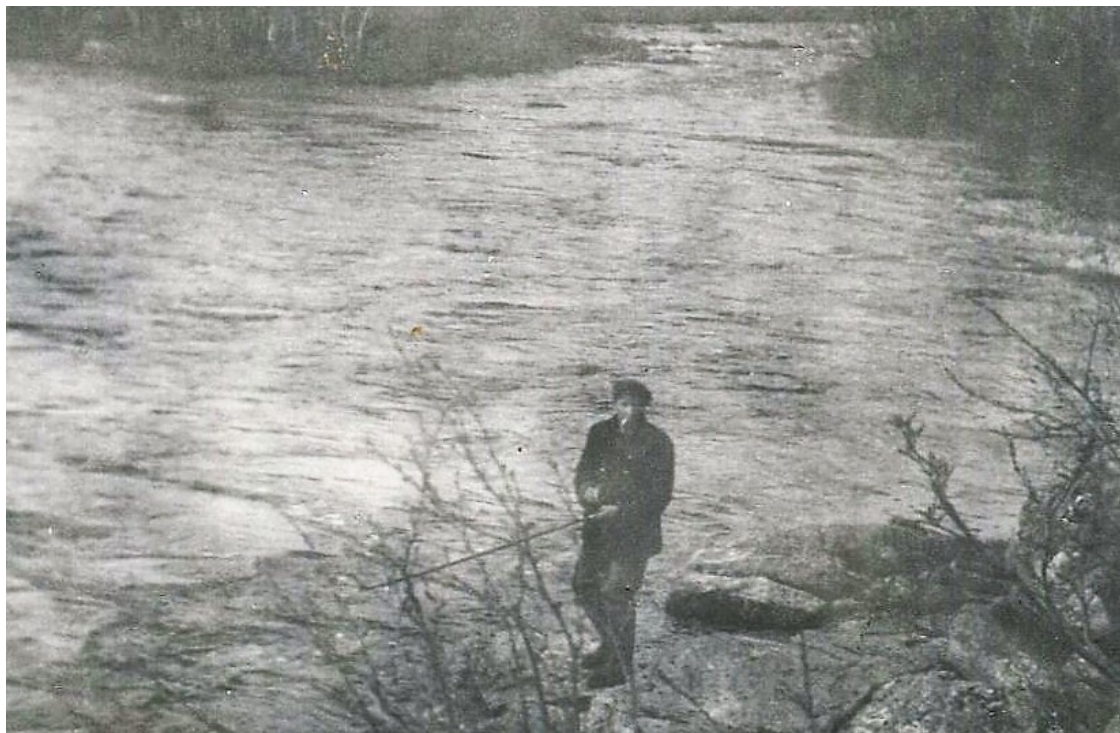
По этому заливу папа с другом, еще совсем маленькие, зимой, играя, по снегу ползли домой. А, может, уже просто опасно было идти по льду. Их издали увидел охотник и принял за тюленей. Как он обрадовался! Побежал за ружьём, уже вскинул прицеливаясь, но в последний момент что-то его остановило. Как он потом их ругал!

Как-то в соцсетях написали: «Да, саами вообще когда-нибудь выходили в море? Никогда такого и не было!»! Это был спор о ресурсах. Я ответила, что помню папины воспоминания об этом. Ему было лет 11. Его взял на рыбалку кто-то из взрослых мужчин. Возможно, это был его дядька Филарет. Помню, что папа уважительно и с любовью к нему относился. Хотя, тот был суров. Папа что-то сделал не так и тот в эмоциях выкинул его за борт. Мне кажется это народная саамская привычка – эмоционально реагировать. Я раньше говорила, у нас холодно, мы холодные настолько, что аж обжигаем. Конечно, он его тут же выловил, но урок был усвоен навсегда. Еще и с благодарностью. Смеюсь. Хотя, у кого-то от ужаса глаза округляются. Ведь это холодное северное море. Утонуть в нем можно моментально. Сестра после общения в интернете заговорила об этом с дядей, старшим Гавриловым дядей Витей. Старший рода теперь, ведь папы нет. Он тоже рассказал, что ходили в море на баркасе и, даже моя бабушка и прабабушка ходили. Рыбалка у саамских женщин такая же привычная вещь, как и у мужчин.

А еще у нас футбол женская игра! Ахахаха! В юбках, по тундре среди кочек женщины гоняли кривой мяч, сшитый из оленей шкуры и набитый травой. Он мокрый и тяжелый. И ворота одни, но это еще то веселье! Палл сирре – игра в мяч называется. Говорят, чтоб легче было выделывать шкуры оленей, их выворачивали мехом внутрь, сшивали и так пинали, гоняли по тундре. Отсюда и пошёл саамский футбол.

Второе важное событие это рыбалка на Кумжевом ручье. Мы долго шли. Было жарко, комары. И пришли в очень красивое место! Папа развёл костёр, конечно же при моём участии. Он учил меня с маленькой собирать пока идёшь по лесу бересту для костра, ближе к стоянке

подбирать ветки, собирать и выбирать дрова. Папа дал мне удочку, но была проблема, даже две! Мне было жалко и червяков и рыбу! Поэтому он одевал червя. Рыба клевала, я вытаскивала с визгом на берег (сигнал папе) и он снимал очаровательную форельку с крючка и снова наживлял червя. Клевало очень хорошо. Я быстро вытаскивала одну за другой. Потом папа устал бегать за моей удочкой и стал ловить сам.

Я гуляла вокруг и любовалась. Красотой природы я могу наслаждаться очень долго. И вдруг ко мне выходит важенка (олениха). Спокойная, красивая! Она была метрах в 10 от меня. Папа аж охнул. Она постояла, посмотрела и ушла. Для бывалого саама, вроде, ничего удивительного, но он еще долго удивлялся этому. Позже, лет в 40 я посмотрела норвежский фильм «Проводник» и снова вспомнила это событие. В фильме говорится, что если приходит белая важенка – это знак. Примерно тогда, лет в 12 и началась моя самоидентификация, как саами. Ведь папа ничего об этом не рассказывал. В нём с детства было стеснение и некая боль за свою национальность. При этом я всегда чувствовала его огромную любовь к своему народу и к той жизни в которой он родился и рос.

На обратной дороге с Дроздовки на теплоходе была сильная качка. Мне было очень плохо. Я плакала, меня рвало. Каких-то таблеток от укачивания тогда не было. Так я узнала, что у меня морская болезнь. Потом мы разговаривали с папой об этом и он сказал, что в детстве у него тоже была морская болезнь. С маленького его брали с собой в море. Когда в первый раз мальчишкой ему стало плохо, один рыбак привязал верёвку к алюминиевой кружке, зачерпнул морской воды и дал папе.

«И как на вкус? – спросила я – А помогло?» – расспрашивала маленькая я.

«На вкус немного противно. Горько-солёная. Кажется, что и от неё ещё больше вырвет, но меня больше не укачивало».

Жизнь на заставе

В Дроздовке жил дед Миша и его сыновья – два папиных самых младших брата. Ещё один брат, который родился третьим после папы жил тоже в Апатитах, в городе. После папы был ещё мальчик, но он не выжил, умер младенцем. Папа звал в город и других младших братьев, но родные места и тундра были им ближе и милее. Хотя, кроме самой тундры там больше ничего не было. Когда село закрыли и все жители отправились кто куда, моя упрямая бабушка отказалась уезжать и переселилась из Варзино в Дроздовку. Там она и жила до последних дней. С мужем и сыновьями. Постепенно и от Дроздовки ничего не осталось. Уехал ещё один маячник. Умерла бабушка, за ней дед, потом утонул самый младший брат. Переехал дальше по побережью на другую военную заставу средний брат с семьёй. Закрыли метеостанцию, а затем покинули это место и пограничники. Когда варзинские – те, кто ещё жив и их дети-внуки приезжали летом в Варзино, папа отправлялся за 6 км в Дроздовку и жил в ветхом домике своего брата. В доме его мамы было уже опасно, всё могло рухнуть. Потом позже кто-то сжег и эти старые дома.

Три брата Гавриловых в Дроздовке.

Когда я приехала в Дроздовку бабушки уже не было. Там царило мужское царство. Поскольку все мужчины были тундровики, вести хозяйство – готовить, мыть посуду и стирать для них проблему не составляло. Дед пёк вкусный хлеб по бабушкиному рецепту и жарил мясо интересным для меня способом. На дверь раскаленной, но уже затухающей печи прилеплялся кусок мяса. Он просто сам прилипал, что меня маленькую удивляло. Через некоторое время это был вкуснейший, пропечённый и при этом слегка обжаренный стейк. Всегда была нежная жаренная рыба и вкуснейшая уха. Папа с братом всегда с собой привозили спиртное. На заставе его не было. И, конечно же, вечером всегда была попойка. Я не знаю каким словом это можно ещё назвать. Пятеро здоровых мужчин общались по душам. Улыбаюсь. Но утром все всегда снова собирались и шли на рыбалку. «Рыба плавает в воде, – всегда говорил папа, – её ещё поймать надо».

Иногда они начинали спорить и даже переходить на драку. Это я знаю со слов. Мне такое, слава Богу, не пришлось увидеть. Старшинство уважалось. Деда чаще это обходило стороной, как и папу. Дед твердил: «Это старший ваш брат! Нельзя его трогать!»! Не знаю чем это было вызвано. Возможно, что он по возможности помогал им. Хотя я и была совсем крохой, помню, что когда младшие братья приходили с армии, папа одевал их и помогал финансово, отчего наш скромный семейный бюджет трещал. Он понимал как это сложно. Ведь в армию они уходили с интерната. Тогда не было такой помощи от государства как сейчас.

Для папы и его братьев эти походы на реки были больше, чем просто рыбалка. Это вся их жизнь. Их детство, их корни. Как-то раз, когда папа вышел на пенсию, он поехал в Дроздовку и остался там на всю зиму. Всю зиму (заполярную зиму, 8 месяцев)! Один!

«Папа, как ты смог? Что ты делал? Какого тебе было? Страшно же».

«Да, бывало страшно. Звук какой-нибудь, ветер воет. А, вообще, так хорошо»! И при этом улыбка растягивается на его лице.

Однажды все братья ехали по речке на моторке. Возвращались домой. Лодка была полностью загружена. Ехали осторожно, так как край борта был очень близко от воды. И, вдруг, из-за поворота навстречу рыбинспектор! Все мысленно посчитали сколько рыбы, сколько срока насчитают. Уже в мыслях попрощались с семьями. Папиного брата однажды судили как браконьера. Был суд, описывали имущество. Хорошо, что отделался штрафом. Это был очень неприятное для всех время.

Но рыбнадзор спросил:

«Рыба есть?»

«Нееееет»! – хором ответили все. (Они потом часто над этим «хором» смеялись). «Ну, лааадно», – сказал рыбнадзор и поехал дальше.

Он понимал, что они не браконьеры. Браконьеры ловят на продажу. Браконьеры вспарывают брюхо, вытаскивают икру и выкидывают тушки рыб. Браконьеры стреляют в оленей,

отрезают у них ляжки, а остальное выбрасывают в тундре. Об этом я тоже слышала в разговорах. Такие вещи у человека тундры не допустимы. Знаете как папа ел мясо и рыбу? Это же говорят и другие люди, живущие в природе. Он съедал всё-всё. Он смеялся:

«Когда я грызу кости, собаки плачут».

«Почему»? – спрашивала я маленькая.

«Потому, что я съедаю всё, что можно съесть. Даже мозг из костей. Ничего не должно пропадать. Всё на пользу».

Такие случаи с рыбнадзорами не останавливали. Для них это привычный с детства образ жизни, забота о семье. Папа никогда не продавал рыбу. Хотя ему и предлагали купить у него. Он мне всегда говорил:

«Я ловлю для семьи»!

Я отказывалась от мяса два раза в жизни. Первый раз не ела года два и начала из-за беременности. Друзья уговорили. И это было трудно, заново начинать его есть. Второй раз тоже отказалась легко. Лет через десять я начала чувствовать потребность в мясе. Почти год я уговаривала себя в том, что это просто побочные эффекты готовки или эхо прошлых лет. Но потом поняла, что организм по каким-то причинам требует. Я легко начала есть мясо снова. Есть одно но. За три недели повысился холестерин. Но сейчас не об этом. В период отказа от мяса, я думала о процессе поедания мяса у многих народов. С древности обычаи говорят об определённом подходе к умерщвлению животного и к поеданию его. Животное благодарили за его жизнь, плоть, за то, что оно давало силу, питание, одежду и желали ему лучшей жизни. Мы все часть природы, вселенной и все взаимодействуем. Это я к тому, что люди природы, даже будучи христианами глубоко внутри верят в то, что всё вокруг живое. Они используют Землю по необходимости, а не для пресыщения. И благодарят её за дары.

В Дроздовке я услышала историю о Мари-Мэхкэл. Папа с отчимом и братьями всегда очень смеялись, вспоминая его. По имени понятно, что это саам. Мари – Мария так звали его официальную жену. А он Михаил – Мэхкал. Машин Миша, если перевести. Он плохо ездил на лыжах. Странно, но так они рассказали. Он с трудом подъезжал на к селу, съезжал с горки к дому. Зимой в тундре всегда ветер. Он показывал на вихрящийся снег и говорил: «Вот как я быстро приехал! Аж ветер поднял вокруг»! Еще он не умел играть на гармошке, но брал её в руки, растягивал меха, нажимал на кнопки и пел всё что придёт в голову. Как любят делать маленькие дети. У него было две жены. В одном селе и в другом. Папа говорил, что он был маленький, с повреждённым глазом (тундра место опасное) и не отличался красотой. Но у него было несколько детей в каждой семье. И он их всех кормил.

«Люблю жену Мари. И жену Лену тоже люблю» – пел Мари Мэхкал, растягивая меха гармошки.

Я стараюсь не думать об этих «высоких взаимоотношениях». Но то, что один мужчина кормил столько человек в суровых условиях Крайнего Севера говорит о его сильном характере. Дети в любом сообществе – это продолжение жизни, условие его выживания.

На побережье папа собирал золотой корень – родиолу розовую – краснокнижное растение. Знал где она растёт. Аккуратно собирал, так чтоб полностью не разорвать. Понимал, что у нас всё растёт очень медленно. Корень он высушивал и любил понемногу грызть. Всегда давал мне. Я тоже для профилактики его грызла. Очень терпкий и вязущий. Тоже хотела знать места роста родиолы, но так у него и не узнала. За всей суетой забываешь, что всё не вечно.

Нам часто говорят, что мы городские и какой может быть разговор о традиционном природопользовании. Но я знаю наших саами городских, которые ставят на дачах куваксу (чум) и целые выходные проводят на рыбалке. И женщины наравне с мужчинами.

И я и сестра мы очень сожалеем, что мало знаем об этом. Мало расспрашивали папу о той жизни. Когда я решила, что начну его расспрашивать и что-то записывать было уже поздно. Мысли его путались. Повседневные обыденные действия совершал по привычке. Даже кроссворды, которыми он пытался заставить мозг работать, больше не разгадывались. Я упустила это время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.